

# АННА

Я научилась просто, мудро жить

# АХМАТОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ  
1909 — 1964

Лучшая поэзия. Серебряный век

Анна Ахматова

**Я научилась просто, мудро  
жить. Стихотворения 1909–1964**

«АСТ»

1909–1964

УДК 821.161.1-1  
ББК 84 (2Рос-Рус)1-5

**Ахматова А. А.**

Я научилась просто, мудро жить. Стихотворения 1909–1964 /  
А. А. Ахматова — «АСТ», 1909–1964 — (Лучшая поэзия.  
Серебряный век)

ISBN 978-5-17-110750-5

Русалка, Киевская Колдунья, Царскосельская Муза, Тихая Кассандра, Сама Первозданность, Жилища Небес, Царица без Короны и Жезла, Пророчица Анна... «Ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России», – писал о ней Осип Мандельштам. Анна Ахматова всегда оставалась в эпицентре – любви, боли, дружбы, абсолютной верности и страшных трагедий: «Я была тогда с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был».

УДК 821.161.1-1  
ББК 84 (2Рос-Рус)1-5

ISBN 978-5-17-110750-5

© Ахматова А. А., 1909–1964  
© АСТ, 1909–1964

## Содержание

|                                        |    |
|----------------------------------------|----|
| «Молюсь оконному лучу —...»            | 8  |
| Два стихотворения                      | 9  |
| Читая «Гамлета»                        | 10 |
| «И когда друг друга проклинали...»     | 11 |
| «Хорони, хорони меня, ветер...»        | 12 |
| Первое возвращение                     | 13 |
| Обман                                  | 14 |
| «Сладок запах синих виноградин.....»   | 17 |
| «Хочешь знать, как все это было...»    | 18 |
| Он любил...                            | 19 |
| Сероглазый король                      | 20 |
| «Сжала руки под темной вуалью...»      | 21 |
| Алиса                                  | 22 |
| «Память о солнце в сердце слабеет...»  | 24 |
| Белой ночью                            | 25 |
| «Как соломинкой, пьешь мою душу...»    | 26 |
| «Дверь полуоткрыта...»                 | 27 |
| «Я пришла сюда, бездельница...»        | 28 |
| Песенка                                | 29 |
| В Царском Селе                         | 30 |
| «Я сошла с ума, о мальчик странный...» | 32 |
| «Высоко в небе облачко серело...»      | 33 |
| «Сердце к сердцу не приковано...»      | 34 |
| Рыбак                                  | 35 |
| «Туманом легким парк наполнился...»    | 36 |
| «Мне с тобою пьяным весело —...»       | 37 |
| Песня последней встречи                | 38 |
| «Под навесом темной риги жарко...»     | 39 |
| Музе                                   | 40 |
| Любовь                                 | 41 |
| «И мальчик, что играет на волынке...»  | 42 |
| «Любовь покоряет обманно...»           | 43 |
| «Муж хлестал меня узорчатым...»        | 44 |
| «Мне больше ног моих не надо...»       | 45 |
| «Я и плакала и каялась...»             | 46 |
| «Меня покинул в новолунье...»          | 47 |
| «Я живу, как кукушка в часах...»       | 48 |
| «Три раза пытаться приходила...»       | 49 |
| Вечерняя комната                       | 50 |
| Сад                                    | 51 |
| Подражание И. Ф. Анненскому            | 52 |
| «Мурка, не ходи, там сыч...»           | 53 |
| Надпись на неоконченном портрете       | 54 |
| Исповедь                               | 55 |
| Отрывок                                | 56 |
| «Сегодня мне письма не принесли...»    | 57 |

|                                                  |    |
|--------------------------------------------------|----|
| «Безвольно пощады просят...»                     | 58 |
| «Ты письмо мое, милый, не комкай...»             | 59 |
| «В ремешках пенал и книги были...»               | 60 |
| «Потускнел на небе синий лак...»                 | 61 |
| «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»          | 62 |
| «Здесь все то же, то же, что и прежде...»        | 63 |
| «Помолись о нищей, о потерянной...»              | 64 |
| «Стал мне реже сниться, слава Богу...»           | 65 |
| «Протертый коврик под иконой...»                 | 66 |
| «Как вплелась в мои темные косы...»              | 67 |
| «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...» | 68 |
| Венеция                                          | 69 |
| «Я научилась просто, мудро жить...»              | 70 |
| ««Я пришла тебя сменить, сестра...»              | 71 |
| Бессонница                                       | 72 |
| «Все мы бражники здесь, блудницы...»             | 73 |
| Смятение                                         | 74 |
| Вечером                                          | 76 |
| Прогулка                                         | 77 |
| «Ты пришел меня утешить, милый...»               | 78 |
| «Родилась я ни поздно, ни рано...»               | 79 |
| Голос памяти                                     | 80 |
| «Покорно мне воображение...»                     | 81 |
| «Вечерние часы перед столом...»                  | 82 |
| «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»           | 83 |
| «Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»       | 84 |
| «Не будем пить из одного стакана...»             | 85 |
| «...И на ступеньки встретить...»                 | 86 |
| «У меня есть улыбка одна...»                     | 87 |
| «Твой белый дом и тихий сад оставлю...»          | 88 |
| «Проводила друга до передней...»                 | 89 |
| «Столько просьб у любимой всегда...»             | 90 |
| «Цветов и неживых вещей...»                      | 91 |
| «Каждый день по-новому тревожен...»              | 92 |
| «О, это был прохладный день...»                  | 93 |
| «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»               | 94 |
| «Вижу выплывший флаг над таможней...»            | 95 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                | 96 |

# Анна Андреевна Ахматова

## Я научилась просто, мудро жить

### Стихотворения 1909–1964

© Анна Ахматова, наследники, 2018

© Виктория Горпинко, сост. и вступ. ст., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

\* \* \*



**Анна Ахматова**, настоящее имя Анна Андреевна Горенко (1889–1966), – выдающаяся русская поэтесса, переводчица, литературовед, мемуаристка.

Стихи начала писать в раннем детстве, в печати дебютировала в 1911 году. Первый сборник «Вечер» выпустила по настоянию своего мужа – поэта Николая Гумилева. Вторая книжка стихов «Четки» выдержала восемь переизданий и сделала Ахматову знаменитой. Она состояла секретарем поэтического объединения Цех поэтов, основанного в 1911 году Гумилевым. Испытывая влияние эстетики акмеизма, сразу предстала творчески зрелым, самодостаточным поэтом с ясным слогом и выразительной системой образов.

«Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа XIX века, – отмечал Осип Мандельштам. – Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу. Вся эта форма <...> вышла из асимметричного параллелизма народной песни и высокого лирического прозаизма Анненского». Мандельштам прочил ей большое будущее: «Ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России».

Первая мировая война, уход Гумилева на фронт, революция, расстрел Гумилева в 1921 году, стоический отказ от эмиграции – под этими ударами судьбы родилась новая Ахматова – автор мужественной гражданской лирики.

В СССР ее поэзия и даже имя десятилетиями замалчивались. С конца 1920-х годов она почти не писала стихов, занималась историей искусства (не без влияния гражданского мужа – искусствоведа Николая Пунина) и изучением творчества Пушкина, Данте, Шекспира. В 1935 году были арестованы Николай Пунин и сын Ахматовой Лев Гумилев, оба вскоре отпущены, однако через три года Льва арестовали повторно и приговорили к пяти годам лагерей.

Много лет Ахматова работала над автобиографической поэмой «Реквием», которая в 1960-е годы появилась в самиздате, а в 1963-м вышла в Мюнхене, произведя огромное впечатление на русскую эмиграцию.

Знавший Ахматову в молодости Борис Зайцев писал: «Можно ль было предположить тогда, в этой „Бродячей Собаке“, что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль – женский, материнский, вопль не только о себе, но и обо всех страждущих – женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаемых? Откуда взялась мужская сила стиха, простота его,

гром слов, будто и обычных, но гудящих колокольным похоронным звоном, разящих человеческое сердце и вызывающих восхищение художническое?»

Накануне Великой Отечественной войны Ахматову приняли в Союз писателей, разрешили ей напечатать сборник «Из шести книг», по радио звучали ее антивоенные стихи. Однако в 1946 году, после постановления Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», она снова попала в опалу, в 1949-м последовал новый арест Пунина (он умер в лагере) и сына, приговоренного к 10 годам лагерей.

Лишь через несколько лет после смерти Сталина имя Ахматовой снова вернулось к читателю, по приглашению зарубежных литераторов она выезжала в Италию и Англию, дважды номинировалась на Нобелевскую премию, заканчивала «Поэму без героя», начатую еще в 1940-е годы. Однако ее здоровье уже было подорвано скитаниями по чужим углам и непримиримыми разногласиями с сыном. В марте 1966 года, не перенеся четвертого инфаркта, Анна Ахматова ушла из жизни.

В 2006 году в Санкт-Петербурге на берегу Невы была установлена бронзовая скульптура поэтессы. Место для памятника Ахматова указала сама: скульптура обращена лицом к печально знаменитой тюрьме «Кресты», где в годы сталинских репрессий много месяцев провел ее сын Лев Гумилев.

*Виктория Горпинко*

## «Молюсь оконному лучу —...»

Молюсь оконному лучу —  
Он бледен, тонок, прям.  
Сегодня я с утра молчу,  
А сердце – пополам.  
На рукомойнике моем  
Позеленела медь.  
Но так играет луч на нем,  
Что весело глядеть.  
Такой невинный и простой  
В вечерней тишине,  
Но в этой храмине пустой  
Он словно праздник золотой  
И утешенье мне.

1909



## Два стихотворения

### 1

Подушка уже горяча  
С обеих сторон.  
Вот и вторая свеча  
Гаснет, и крик ворон  
Становится все слышней.  
Я эту ночь не спала,  
Поздно думать о сне...  
Как нестерпимо бела  
Штора на белом окне.  
Здравствуй!

### 2

Тот же голос, тот же взгляд,  
Те же волосы льняные.  
Все как год тому назад.  
Сквозь стекло лучи дневные  
Известь белых стен пестрят...  
Свежих лилий аромат  
И слова твои простые.

*1909*

## Читая «Гамлета»

### 1

У кладбища направо пылил пустырь,  
А за ним голубела река.  
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь  
Или замуж за дурака...»  
Принцы только такое всегда говорят,  
Но я эту запомнила речь, —  
Пусть струится она сто веков подряд  
Горностаевой мантией с плеч.

### 2

И как будто по ошибке  
Я сказала: «Ты...»  
Озарила тень улыбки  
Милые черты.  
От подобных оговорок  
Всякий вспыхнет взор...  
Я люблю тебя, как сорок  
Ласковых сестер.

*1909*

## «И когда друг друга проклинали...»

И когда друг друга проклинали  
В страсти, раскаленной добела,  
Оба мы еще не понимали,  
Как земля для двух людей мала,  
И что память яростная мучит,  
Пытка сильных – огненный недуг! —  
И в ночи бездонной сердце учит  
Спрашивать: о, где ушедший друг?  
А когда, сквозь волны фимиама,  
Хор гремит, ликуя и грозя,  
Смотрят в душу строго и упрямо  
Те же неизбежные глаза.

1909



## «Хорони, хорони меня, ветер...»

Хорони, хорони меня, ветер!  
Родные мои не пришли,  
Надо мною блуждающий вечер  
И дыханье тихой земли.

Я была, как и ты, свободной,  
Но я слишком хотела жить.  
Видишь, ветер, мой труп холодный,  
И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану  
Покровом вечерней тьмы  
И вели голубому туману  
Надо мною читать псалмы.

Чтобы мне легко, одинокой,  
Отойти к последнему сну,  
Прошуми высокой осокой  
Про весну, про мою весну.

*Декабрь 1909, Киев*

## Первое возвращение

На землю саван тягостный возложен,  
Торжественно гудят колокола,  
И снова дух смятен и потревожен  
Истомной скукой Царского Села.  
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,  
Как будто мира наступил конец.  
Как навсегда исчерпанная тема,  
В смертельном сне покоится дворец.

*1910*



## Обман

*М. А. Змунчила*

### I

Весенним солнцем это утро пьяно,  
И на террасе запах роз слышней,  
А небо ярче синего фаянса.  
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;  
Читаю в ней элегии и стансы,  
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы  
Белеют четко в изумрудном дерне.  
О, сердце любит сладостно и слепо!  
И радуют пестреющие клумбы,  
И резкий крик вороны в небе черной,  
И в глубине аллеи арка склепа.

*2 ноября 1910, Киев*

### II

Жарко веет ветер душный,  
Солнце руки обожгло,  
Надо мною свод воздушный,  
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели  
В разметавшейся косе.  
На стволе корявой ели  
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,  
Жизнь по-новому легка...  
Кто сегодня мне приснится  
В пестрой сетке гамака?

*Январь 1910, Киев*

### III

Синий вечер. Ветры кротко стихли,  
Яркий свет зовет меня домой.  
Я гадаю: кто там? – не жених ли,  
Не жених ли это мой?..

На террасе силуэт знакомый,  
Еле слышен тихий разговор.  
О, такой пленительной истомы  
Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,  
Нежные их посетили сны.  
Небо цвета вороненой стали,  
Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.  
Для того в них тайный скрыт огонь,  
Кто, беря цветы из рук несмелых,  
Тронет теплую ладонь.

*Сентябрь 1910, Царское Село*

#### IV

Я написала слова,  
Что долго сказать не смела.  
Тупо болит голова,  
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок,  
В сердце все те же загадки,  
Легкий осенний снежок  
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!  
Мыслям последним томиться!  
Я не хотела мешать  
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам  
Я их жестокую шутку...  
О, вы приедете к нам  
Завтра по первопутку.

Свечи в гостинной зажгут,  
Днем их мерцанье нежнее,  
Целый букет принесут  
Роз из оранжереи.

*Август 1910, Царское Село*



## «Сладок запах синих виноградин.....»

Сладок запах синих виноградин...  
Дразнит опьяняющая даль.  
Голос твой и глух и безотраден.  
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,  
Гибких лоз стволы еще тонки,  
Облака плывут, как льдинки, льдинки  
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.  
Уходи к волне про боль шептать.  
О, она, наверное, ответит,  
А быть может, будет целовать.

*1910, Киев*



## **«Хочешь знать, как все это было...»**

Хочешь знать, как все это было?  
Три в столовой пробило,  
И, прощаясь, держась за перила,  
Она словно с трудом говорила:  
«Это все... Ах, нет, я забыла,  
Я люблю вас, я вас любила  
Еще тогда!» —  
«Да».

*21 октября 1910, Киев*

## Он любил...

Он любил три вещи на свете:  
За вечерней пенью, белых павлинов  
И стертые карты Америки.  
Не любил, когда плачут дети,  
Не любил чая с малиной  
И женской истерики.  
...А я была его женой.

*9 ноября 1910, Киев*

## Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!  
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,  
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,  
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..  
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел  
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,  
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:  
«Нет на земле твоего короля...»

*11 декабря 1910, Царское Село*

## «Сжала руки под темной вуалью...»

Сжала руки под темной вуалью...  
«Отчего ты сегодня бледна?»  
– Оттого, что я терпкой печалью  
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,  
Искривился мучительно рот...  
Я сбежала, перил не касаясь,  
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка  
Все, что было. Уйдешь, я умру».  
Улыбнулся спокойно и жутко  
И сказал мне: «Не стой на ветру».

*8 января 1911, Киев*



## Алиса

### I

Все тоскует о забытом,  
О своем весеннем сне,  
Как Пьеретта о разбитом  
Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,  
Не умела их сложить...  
«Если б ты, Алиса, знала,  
Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,  
Забываю есть и пить,  
Ты согласишься, забываю  
Даже брови подводить.

О Алиса! Дай мне средство,  
Чтоб вернуть его опять;  
Хочешь, все мое наследство,  
Дом и платья можешь взять.

Он приснился мне в короне,  
Я боюсь моих ночей!»  
У Алисы в медальоне  
Темный локон – знаешь, чей?!

*22 января 1911, Киев*

### II

«Как поздно! Устала, зеваю...»  
«Миньона, спокойно лежи,  
Я рыжий парик завиваю,  
Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,  
А сбоку жемчужный аграф;  
Читала записку: «У клена  
Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски

Лукавая смех заглушить,  
Велела мне даже подвязки  
Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье  
Скользнул, из окошка упав...  
«Он мне открывает объятья  
Под кленом, таинственный граф».

*23 января 1911, Киев*

## «Память о солнце в сердце слабеет...»

Память о солнце в сердце слабеет.  
Желтей трава.  
Ветер снежинками ранними веет  
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —  
Стынет вода.  
Здесь никогда ничего не случится, —  
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала  
Веер сквозной.  
Может быть, лучше, что я не стала  
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.  
Что это? Тьма?  
Может быть!.. За ночь прийти успеет  
Зима.

*30 января 1911, Киев*

## Белой ночью

Ах, дверь не запирала я,  
Не зажигала свеч,  
Не знаешь, как, усталая,  
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы  
В закатном мраке хвой,  
Пьянея звуком голоса,  
Похожего на твой.

И знать, что все потеряно,  
Что жизнь – проклятый ад!  
О, я была уверена,  
Что ты придешь назад.

*6 февраля 1911, Царское Село*



## **«Как соломинкой, пьешь мою душу...»**

Как соломинкой, пьешь мою душу.  
Знаю, вкус ее горек и хмелен.  
Но я пытку мольбой не нарушу.  
О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,  
Что души моей нет на свете.  
Я пойду дорогой недалней  
Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,  
И везут кирпичи за оградой.  
Кто ты: брат мой или любовник,  
Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,  
Отдыхает усталое тело...  
А прохожие думают смутно:  
Верно, только вчера овдовела.

*10 февраля 1911, Царское Село*

## «Дверь полуоткрыта...»

Дверь полуоткрыта,  
Веют липы сладко...  
На столе забыты  
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...  
Шорохам внимаю.  
Отчего ушел ты?  
Я не понимаю...

Радостно и ясно  
Завтра будет утро.  
Эта жизнь прекрасна,  
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,  
Бьешься тише, глуше...  
Знаешь, я читала,  
Что бессмертны души.

*17 февраля 1911, Царское Село*

## **«Я пришла сюда, бездельница...»**

Я пришла сюда, бездельница,  
Все равно мне, где скучать!  
На пригорке дремлет мельница.  
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою  
Мягко плавает пчела;  
У пруда русалку кликаю,  
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною  
Пруд широкий, обмелел,  
Над трепещущей осиною  
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.  
Влажно пахнут тополя.  
Я молчу. Молчу, готовая  
Снова стать тобой, земля.

*23 февраля 1911, Царское Село*

## Песенка

Я на солнечном восходе  
Про любовь пою,  
На коленях в огороде  
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю —  
Пусть простит меня.  
Вижу девочка босая  
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей  
Голоса беды,  
Все сильнее запах теплый  
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба  
Мне наградой злой.  
Надо мною только небо,  
А со мною голос твой.

*11 марта 1911, Царское Село*

## В Царском Селе

### I

По аллее проводят лошадок,  
Длинные волны расчесанных грив.  
О, пленительный город загадок,  
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,  
Задыхалась в предсмертном бреду,  
А теперь я игрушечной стала,  
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,  
Если хочешь, в глаза погляди.  
Не люблю только час пред закатом,  
Ветер с моря и слово «уйди».

*22 февраля 1911, Царское Село*



### II

...А там мой мраморный двойник,  
Поверженный под старым кленом,  
Озерным водам отдал лик,  
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди  
Его запекшуюся рану...  
Холодный, белый подожди,  
Я тоже мраморною стану.

*1911*

### III

Смуглый отрок бродил по аллеям,  
У озерных грустил берегов,

И столетие мы лелеем  
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко  
Устилают низкие пни...  
Здесь лежала его треуголка  
И растрепанный том Парни.

*24 сентября 1911, Царское Село*

## «Я сошла с ума, о мальчик странный...»

Я сошла с ума, о мальчик странный,  
В среду, в три часа!  
Уколола палец безымянный  
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,  
И, казалось, умерла она,  
Но конец отравленного жала  
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,  
Улыбнется ль мне твое лицо?  
Посмотри! На пальце безымянном  
Так красиво гладкое кольцо.

*18–19 марта 1911, Царское Село*



## «Высоко в небе облачко серело...»

Высоко в небе облачко серело,  
Как беличья расстеленная шкурка.  
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело  
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.  
Мне стало страшно, стало как-то смутно.  
О, как вернуть вас, быстрые недели  
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горести, ни мщенья,  
Пускай умру с последней белой выюгой.  
О нем гадала я в канун крещенья.  
Я в январе была его подругой.

*Весна 1911, Царское Село*



## «Сердце к сердцу не приковано...»

Сердце к сердцу не приковано,  
Если хочешь – уходи.  
Много счастья уготовано  
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,  
Мне счастливой не бывать.  
Не целуй меня, усталую, —  
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты  
Вместе с белою зимой.  
Отчего же, отчего же ты  
Лучше, чем избранник мой?

*Весна 1911*



## Рыбак

Руки голы выше локтя,  
А глаза синей, чем лед.  
Едкий, душный запах дегтя,  
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут  
Ворот куртки голубой,  
И рыбачки только ахнут,  
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит  
В город продавать камсу,  
Как потерянная бродит  
Вечерами на мысу.

Щеки бедны, руки слабы,  
Истомленный взор глубок,  
Ноги ей щекочат крабы,  
Выползая на песок.

Но она уже не ловит  
Их протянутой рукой.  
Все сильнее биенье крови  
В теле, раненном тоской.

*23 апреля 1911*

## «Туманом легким парк наполнился...»

*Вере Ивановой-Шварсалон*

Туманом легким парк наполнился,  
И вспыхнул на воротах газ.  
Мне только взгляд один запомнился  
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неявная,  
Мне сразу сделалась близка,  
И поняла ты, что отравная  
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,  
Приду, как только позовешь.  
Меня, и грешную и праздную,  
Лишь ты одна не упрекнешь.

*Апрель 1911*



## «Мне с тобою пьяным весело —...»

Мне с тобою пьяным весело —  
Смысла нет в твоих рассказах.  
Осень ранняя развесила  
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную  
Забрели и горько каемся,  
Но зачем улыбкой странною  
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей  
Вместо счастья безмятежного...  
Не покину я товарища  
И беспутного и нежного.

*1911, Париж*



## Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,  
Но шаги мои были легки.  
Я на правую руку надела  
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,  
А я знала – их только три!  
Между кленов шепот осенний  
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,  
Переменчивой, злой судьбой».  
Я ответила: «Милый, милый!  
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.  
Я взглянула на темный дом.  
Только в спальне горели свечи  
Равнодушно-желтым огнем.

*9 сентября 1911, Царское Село*

## «Под навесом темной риги жарко...»

Под навесом темной риги жарко  
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.  
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!  
Мы ль не встретим на пути удачу!»

Но я другу старому не верю.  
Он смешной, незрячий и убогий,  
Он всю жизнь свою шагами мерил  
Длинные и скучные дороги.

И звенит, звенит мой голос ломкий,  
Звонкий голос не узнавших счастья:  
«Ах, пусты дорожные котомки,  
А на завтра голод и ненастье!»

*24 сентября 1911, Царское Село*



## Музе

Муза-сестра заглянула в лицо,  
Взгляд ее ясен и ярок.  
И отняла золотое кольцо,  
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —  
Девушки, женщины, вдовы...  
Лучше погибну на колесе,  
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать  
Нежный цветок маргаритку.  
Должен на этой земле испытать  
Каждый любовную пытку.

Жду до зари на окошке свечу  
И ни о ком не тоскую  
Но не хочу, не хочу, не хочу  
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:  
«Взор твой не ясен, не ярок...»  
Тихо отвечу: «Она отняла  
Божий подарок».

*10 октября 1911, Царское Село*

## Любовь

То змейкой, свернувшись клубком,  
У самого сердца колдует,  
То целые дни голубком  
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,  
Почудится в дреме левкоя...  
Но верно и тайно ведет  
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать  
В молитве тоскующей скрипки,  
И страшно ее угадать  
В еще незнакомой улыбке.

*24 ноября 1911, Царское Село*



## «И мальчик, что играет на волынке...»

И мальчик, что играет на волынке,  
И девочка, что свой плетет венок,  
И две в лесу скрестившихся тропинки,  
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,  
Любовно-кротко в сердце берегу.  
Лишь одного я никогда не знаю  
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.  
О, только дайте греться у огня!  
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,  
Веселый бог не посетит меня.

*30 ноября 1911, Царское Село*



## «Любовь покоряет обманно...»

Любовь покоряет обманно,  
Напевом простым, неискусным.  
Еще так недавно-странно  
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась  
В садах твоих, в доме, в поле,  
Повсюду тебе казалось,  
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею  
И пивший ее отравы.  
Ведь звезды были крупнее,  
Ведь пахли иначе травы,  
Осенние травы.

*Осень 1911, Царское Село*



## «Муж хлестал меня узорчатым...»

Муж хлестал меня узорчатым,  
Вдвое сложенным ремнем.  
Для тебя в окошке створчатом  
Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей  
Подымается дымок.  
Ах, со мной, печальной узницей,  
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,  
Долю-муку приняла.  
Или любишь белокурую,  
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!  
В сердце темный, душный хмель,  
А лучи ложатся тонкие  
На несмятую постель.

*Осень 1911*

## **«Мне больше ног моих не надо...»**

Мне больше ног моих не надо,  
Пусть превратятся в рыбий хвост!  
Плыву, и радостна прохлада,  
Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,  
Пусть станет дымом, легок дым,  
Взлетев над набережной черной,  
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,  
Держусь за водоросль рукой,  
Ничьих я слов не повторяю  
И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели  
Стал бледен и печально-нем?  
Что слышу? Целых три недели  
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

<1911?>

## «Я и плакала и каялась...»

Я и плакала и каялась,  
Хоть бы с неба грянул гром!  
Сердце темное измаялось  
В нежилом доме твоём.  
Боль я знаю нестерпимую,  
Стыд обратного пути...  
Страшно, страшно к нелюбимому,  
Страшно к тихому войти,  
А склонюсь к нему нарядная,  
Ожерельями звеня;  
Только спросит: «Ненаглядная!  
Где молилась за меня?»

1911



## **«Меня покинул в новолунье...»**

Меня покинул в новолунье  
Мой друг любимый. Ну так что ж!  
Шутил: «Канатная плясунья!  
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,  
Я, не ревнуя, не ропща,  
Но не заменят мне утрату  
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,  
Еще страшнее путь тоски...  
Как мой китайский зонтик красен,  
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,  
И улыбаются уста.  
Но сердце знает, сердце знает,  
Что ложа пятая пуста!

*1911*

## «Я живу, как кукушка в часах...»

Я живу, как кукушка в часах,  
Не завидую птицам в лесах.  
Заведут – и кукую.  
Знаешь, долю такую  
Лишь врагу  
Пожелать я могу.

*1911*



## «Три раза пытаться приходила...»

Три раза пытаться приходила.  
Я с криком тоски просыпалась  
И видела тонкие руки  
И темный насмешливый рот.  
«Ты с кем на заре целовалась,  
Клялась, что погибнешь в разлуке,  
И жгучую радость таила,  
Рыдая у черных ворот?  
Кого ты на смерть проводила,  
Тот скоро, о, скоро умрет».  
Был голос как крик ястребиный,  
Но странно на чей-то похожий.  
Все тело мое изгибалось,  
Почувствовав смертную дрожь,  
И плотная сеть паутины  
Упала, окутала ложе...  
О, ты не напрасно смеялась,  
Моя непощенная ложь!

*1911*

## Вечерняя комната

Я говорю сейчас словами теми,  
Что только раз рождаются в душе,  
Жужжит пчела на белой хризантеме,  
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,  
Хранит любовь и помнит старину,  
А над кроватью надпись по-французски  
Гласит: «Seigneur, ayez pitie de nous»<sup>1</sup>.

Ты сказки давней горестных заметок,  
Душа моя, не тронь и не ищи...  
Смотрю, блестящих севрских статуэток  
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,  
Застыл в букете ярких георгин,  
И как во сне я слышу звук виолы  
И редкие аккорды клавесин.

1911

---

<sup>1</sup> Господи, помилуй нас (*фр.*).

## Сад

Он весь сверкает и хрустит,  
Обледелый сад.  
Ушедший от меня грустит,  
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —  
Лишь круглое окно;  
Я тайно знаю, чей двойник  
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят  
Предчувствием беды,  
Сквозь тонкий лед еще сквозят  
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик  
К немому сну полей,  
И замирает острый крик  
Отсталых журавлей.

*1911, Царское Село*

## Подражание И. Ф. Анненскому

И с тобой, моей первой причудой,  
Я простился. Восток голубел.  
Просто молвила: «Я не забуду».  
Я не сразу поверил тебе.

Возникают, стираются лица,  
Мил сегодня, а завтра далек.  
Отчего же на этой странице  
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга  
В том же месте. И странно тогда:  
Все как будто с прощального мига  
Не прошли невовратно года.

О, сказавший, что сердце из камня,  
Знал наверно: оно из огня...  
Никогда не пойму, ты близка мне  
Или только любила меня.

*1911*

## «Мурка, не ходи, там сыч...»

Мурка, не ходи, там сыч  
На подушке вышит,  
Мурка серый, не мурлычь,  
Дедушка услышит.  
Няня, не горит свеча,  
И скребутся мыши.  
Я боюсь того сыча,  
Для чего он вышит?

<1911>



## Надпись на неоконченном портрете

О, не вздыхайте обо мне,  
Печаль преступна и напрасна,  
Я здесь, на сером полотне,  
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,  
В глазах улыбка исступленья,  
Я не могла бы стать иной  
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел  
Словами мертвыми и злыми.  
Мой рот тревожно заалел,  
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,  
Ушел, глядит в глаза другие,  
Но ничего не снится мне  
В моей предсмертной летаргии.

*1911*

## Исповедь

Умолк простивший мне грехи.  
Лиловый сумрак гасит свечи,  
И темная епитрахиль  
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»  
Удары сердца чаще, чаще,  
Прикосновение сквозь ткань  
Руки, рассеянно крестящей.

*1911, Царское Село*



## Отрывок

...И кто-то, во мраке дерев незримый,  
Зашуршал опавшей листвою  
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,  
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью  
Тяжелые веки твои.  
Он предал тебя тоске и удушью  
Отравительницы-любви.

Ты давно перестала считать уколы —  
Грудь мертва под острой иглой.  
И напрасно стараешься быть веселой —  
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,  
Верно, нет у тебя стыда.  
Он тихий, он нежный, он мне покорный,  
Влюбленный в меня навсегда!»

*26 декабря 1911*

## «Сегодня мне письма не принесли...»

Сегодня мне письма не принесли:  
Забыл он написать или уехал;  
Весна как трель серебряного смеха,  
Качаются в заливе корабли.  
Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,  
Такой влюбленный, ласковый и мой,  
Но это было белою зимой,  
Теперь весна, и грусть весны отравна,  
Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,  
Как от предсмертной боли, бьется, бьется,  
И страшно мне, что сердце разорвется,  
Не допишу я этих нежных строк...

1912



## «Безвольно пощады просят...»

Безвольно пощады просят  
Глаза. Что мне делать с ними,  
Когда при мне произносят  
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле  
Вдоль серых сложенных бревен.  
Здесь легкий ветер на воле  
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит  
Тайную весть о дальнем.  
Я знаю: он жив, он дышит,  
Он смеет быть не печальным.

*1912, Царское Село*



## «Ты письмо мое, милый, не комкай...»

Ты письмо мое, милый, не комкай.  
До конца его, друг, прочти.  
Надоело мне быть незнакомкой,  
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.  
Я любимая, я твоя.  
Не пастушка, не королева  
И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,  
На стоптанных каблуках...  
Но, как прежде, жгуче объятье,  
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,  
Не плачь о заветной лжи,  
Ты его в твоей бедной котомке  
На самое дно положи.

*1912, Царское село*

## «В ремешках пенал и книги были...»

*Н. Г. <умилеву>*

В ремешках пенал и книги были,  
Возвращалась я домой из школы.  
Эти липы, верно, не забыли  
Нашей встречи, мальчик мой веселый.

Только, ставши лебедем надменным,  
Изменился серый лебеденок.  
А на жизнь мою лучом нетленным  
Грусть легла, и голос мой незвонок.

*1912, Царское Село*

## **«Потускнел на небе синий лак...»**

Потускнел на небе синий лак,  
И слышнее песня окарины.  
Это только дудочка из глины,  
Не на что ей жаловаться так.  
Кто ей рассказал мои грехи,  
И зачем она меня прощает?  
Или этот голос повторяет  
Мне твои последние стихи?..

*1912*

## «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»

Слаб голос мой, но воля не слабеет,  
Мне даже легче стало без любви.  
Высоко небо, горный ветер веет,  
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,  
Я не томлюсь над серою золой,  
И башенных часов кривая стрелка  
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!  
Освобожденье близко. Все прощу,  
Следя, как луч взбегает и сбегает  
По влажному весеннему плющу.

*Весна 1912*



## «Здесь все то же, то же, что и прежде...»

Здесь все то же, то же, что и прежде,  
Здесь напрасным кажется мечтать.  
В доме у дороги непроезжей  
Надо рано ставни запирасть.

Тихий дом мой пусть и неприветлив,  
Он на лес глядит одним окном,  
В нем кого-то вынули из петли  
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно-весел,  
Только смерть – большое торжество.  
На истертом красном плюше кресел  
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,  
Все слышней их четкий разговор.  
В щелочку смотрю я: конокрады  
Зажигают под холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,  
Низко, низко стелется дымок.  
Мне не страшно. Я ношу на счастье  
Темно-синий шелковый шнурок.

*Май 1912*

## «Помолись о нищей, о потерянной...»

Помолись о нищей, о потерянной,  
О моей живой душе,  
Ты, всегда в своих путях уверенный,  
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,  
Я за это расскажу потом,  
Как меня томила ночь угарная,  
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,  
Только пела и ждала.  
Знаю: брата я не ненавидела  
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал  
Каждый день и каждый час?  
Или это ангел мне указывал  
Свет, невидимый для нас?

*Май 1912, Флоренция*

## «Стал мне реже сниться, слава Богу...»

Стал мне реже сниться, слава Богу,  
Больше не мерещится везде.  
Лег туман на белую дорогу,  
Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны  
Над простором вспаханной земли,  
Здесь всего сильнее от Ионы  
Колокольни лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени  
Ветки те, что нынче отцвели,  
По валам старинных укреплений  
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный  
Для меня, незрячей, оживи.  
Исцелил мне душу царь небесный  
Ледяным покоем нелюбви.

*1912, Киев*

## «Протертый коврик под иконой...»

Протертый коврик под иконой,  
В прохладной комнате темно,  
И густо плющ темно-зеленый  
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,  
Трещит лампадка, чуть горя.  
Пестро расписаны укладки  
Рукой любовной кустика.

И у окна белеют пальцы...  
Твой профиль тонок и жесток.  
Ты зацелованные пальцы  
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,  
Такая в нем теперь тоска...  
И в косах спутанных таится  
Чуть слышный запах табака.

*1912*

## «Как вплелась в мои темные косы...»

Как вплелась в мои темные косы  
Серебристая нежная прядь, —  
Только ты, соловей безголосый,  
Эту муку сумеешь понять.

Чутким ухом далекое слышишь  
И на тонкие ветки ракит,  
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь.  
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно  
Замирали вокруг тополя,  
И звенела и пела отравно  
Несказанная радость твоя.

1912



## «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...»

*М. Лозинскому*

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!  
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!  
И снова голосом серебряным олень  
В зверинце говорит о северном сиянье.

И я поверила, что есть прохладный снег  
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,  
И санок маленьких такой неверный бег  
Под звоны древние далеких колоколен.

1912



## Венеция

Золотая голубятня у воды,  
Ласковой и млеюще-зеленой;  
Заметает ветерок соленый  
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.  
В каждой лавке яркие игрушки:  
С книгой лев на вышитой подушке,  
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,  
Стынет небо тускло-голубое...  
Но не тесно в этой тесноте  
И не душно в сырости и зное.

*Август 1912*



## **«Я научилась просто, мудро жить...»**

Я научилась просто, мудро жить,  
Смотреть на небо и молиться Богу,  
И долго перед вечером бродить,  
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи  
И никнет гроздь рябины желто-красной,  
Слагаю я веселые стихи  
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь  
Пушистый кот, мурлыкает умильной,  
И яркий загорается огонь  
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка пререзывает тишь  
Крик аиста, слетевшего на крышу.  
И если в дверь мою ты постучишь,  
Мне кажется, я даже не услышу.

*1912*

## ««Я пришла тебя сменить, сестра...»

«Я пришла тебя сменить, сестра,  
У лесного, у высокого костра.

Поседели твои волосы. Глаза  
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,  
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,  
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,  
У лесного, у высокого костра»,

«Ты пришла меня похоронить.  
Где же заступ твой, где лопата?  
Только флейта в руках твоих.  
Я не буду тебя винить,  
Разве жаль, что давно, когда-то,  
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,  
Позабудь о моей тревоге,  
Дай ветру кудрями играть.  
Ты пахнешь, как пахнет сирень,  
А пришла по трудной дороге,  
Чтобы здесь озаренной стать».

И одна ушла, уступая,  
Уступая место другой.  
И неверно брела, как слепая,  
Незнакомой узкой тропой.

И все чудилось ей, что пламя  
Близко... бубен держит рука.  
И она как белое знамя,  
И она как свет маяка.

*24 октября 1912, Царское Село*

## Бессонница

Где-то кошки жалобно мяукают,  
Звук шагов я издали ловлю...  
Хорошо твои слова баюкают:  
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!  
Неподвижный лик твой узнаю.  
Что, красавица, что, беззаконница,  
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белую завешены,  
Полумрак струится голубой...  
Или дальней вестью мы утешены?  
Отчего мне так легко с тобой?

*Зима 1912, Царское Село*



## «Все мы бражники здесь, блудницы...»

Все мы бражники здесь, блудницы,  
Как невесело вместе нам!  
На стенах цветы и птицы  
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,  
Так странен дымок над ней.  
Я надела узкую юбку,  
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:  
Что там, изморозь или гроза?  
На глаза осторожной кошки  
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!  
Не смертного ль часа жду?  
А та, что сейчас танцует,  
Непременно будет в аду.

*1 января 1913*

## Смятение

### 1

Было душно от жгучего света,  
А взгляды его – как лучи.  
Я только вздрогнула: этот  
Может меня приручить.  
Наклонился – он что-то скажет...  
От лица отхлынула кровь.  
Пусть камнем надгробным ляжет  
На жизни моей любовь.

### 2

Не любишь, не хочешь смотреть?  
О, как ты красив, проклятый!  
И я не могу взлететь,  
А с детства была крылатой.  
Мне очи застит туман,  
Сливаются вещи и лица,  
И только красный тюльпан,  
Тюльпан у тебя в петлице.

### 3

Как велит простая учтивость,  
Подошел ко мне, улыбнулся,  
Полуласково, полулениво  
Поцелуем руки коснулся —  
И загадочных древних ликов  
На меня поглядели очи...  
Десять лет замираний и криков,  
Все мои бессонные ночи  
Я вложила в тихое слово  
И сказала его – напрасно.  
Отошел ты, и стало снова  
На душе и пусто и ясно.

1913



## Вечером

Звенела музыка в саду  
Таким невыразимым горем.  
Свежо и остро пахли морем  
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»  
И моего коснулся платья.  
Как не похожи на объятья  
Прикосновенья этих рук.

Так глядят кошек или птиц,  
Так на наездниц смотрят стройных...  
Лишь смех в глазах его спокойных  
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса  
Поют за стелющимся дымом:  
«Благослови же небеса —  
Ты первый раз одна с любимым».

*Март 1913*

## Прогулка

Перо задело о верх экипажа.  
Я поглядела в глаза его.  
Томилось сердце, не зная даже  
Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован  
Под сводом облачных небес,  
И словно тушью нарисован  
В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени,  
Насторожившийся покой...  
Он снова тронул мои колени  
Почти не дрогнувшей рукой.

*Май 1913*



## «Ты пришел меня утешить, милый...»

Ты пришел меня утешить, милый,  
Самый нежный, самый кроткий...  
От подушки приподняться нету силы,  
А на окна частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,  
И принес веночек неискusный.  
Как улыбкой сердце больно ранишь,  
Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!  
Если ты еще со мной побудешь,  
Я у бога вымолю прощенье  
И тебе, и всем, кого ты любишь.

*Май 1913, Петербург*



## «Родилась я ни поздно, ни рано...»

Родилась я ни поздно, ни рано  
Это время блаженно одно,  
Только сердцу прожить без обмана  
Было Господом не дано.

Оттого и темно в светлице  
Оттого и друзья мои,  
Как вечерние грустные птицы,  
О небывшей поют любви.

*1913*



## Голос памяти

*О. А. Глебовой-Судейкиной*

Что ты видишь, тускло на стену смотря,  
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды  
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,  
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,  
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только – и на ней  
Отсветы небесных гаснущих огней.

*18 июня 1913, Слепнево*



## «Покорно мне воображенье...»

Покорно мне воображенье  
В изображенье серых глаз.  
В моем тверском уединенье  
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник  
На левом берегу Невы,  
Мой знаменитый современник,  
Случилось, как хотели вы,

Вы, приказавший мне: довольно,  
Поди, убей свою любовь!  
И вот я таю, я безвольна,  
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же  
Мои стихи напишет вам,  
Кто стать звенящими поможет  
Еще не сказанным словам?

*Июль 1913, Слепнево*

## «Вечерние часы перед столом...»

Вечерние часы перед столом.  
Непоправимо белая страница.  
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.  
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетая,  
Как будто завтра нужны будут косы,  
В окно гляжу я, больше не грустя,  
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,  
Который даже нежности не просит!  
Я не могу поднять усталых век,  
Когда мое он имя произносит.

*Лето 1913*



## «Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»

Здравствуй! Легкий шелест слышишь  
Справа от стола?  
Этих строчек не допишешь —  
Я к тебе пришла.  
Неужели ты обидишь  
Так, как в прошлый раз, —  
Говоришь, что рук не видишь,  
Рук моих и глаз.  
У тебя светло и просто.  
Не гони меня туда,  
Где под душным сводом моста  
Стынет грязная вода.

*Октябрь 1913*



## «Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»  
И мальчика очень жаль.  
Еще так недавно он был довольным  
И только слышал про печаль.

А теперь он знает все не хуже  
Мудрых и старых вас.  
Потускнели и, кажется, стали уже  
Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,  
С горькой болью первой любви.  
Как беспомощно, жадно и жарко гладит  
Холодные руки мои.

*Октябрь 1913*



## «Не будем пить из одного стакана...»

Не будем пить из одного стакана  
Ни воду мы, ни сладкое вино,  
Не поцелуемся мы утром рано,  
А ввечеру не поглядим в окно.  
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,  
Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,  
С тобой твоя веселая подруга.  
Но мне понятен серых глаз испуг,  
И ты виновник моего недуга.  
Коротких мы не учащаем встреч.  
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,  
В твоих стихах мое дыхание веет.  
О, есть костер, которого не смеет  
Коснуться ни забвение, ни страх.  
И если б знал ты, как сейчас мне любы  
Твои сухие, розовые губы!

*Осень 1913*

## «...И на ступеньки встретить...»

...И на ступеньки встретить  
Не вышли с фонарем.  
В неверном лунном свете  
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,  
С улыбкой неживой,  
Друг шепчет: «Сандрильона,  
Как странен голос твой...»

В камине гаснет пламя,  
Томя, трещит сверчок.  
Ах! Кто-то взял на память  
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,  
Не подымая глаз.  
О милые улики,  
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,  
Что близок, близок срок,  
Что всем он станет мерить  
Мой белый башмачок.

1913

## **«У меня есть улыбка одна...»**

У меня есть улыбка одна:  
Так, движенье чуть видное губ.  
Для тебя я ее берегу —  
Ведь она мне любовью дана.  
Все равно, что ты наглый и злой,  
Все равно, что ты любишь других.  
Предо мной золотой аналой,  
И со мной сероглазый жених.

*1913*

## **«Твой белый дом и тихий сад оставлю...»**

Твой белый дом и тихий сад оставлю.  
Да будет жизнь пустынна и светла.  
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,  
Как женщина прославить не могла.  
И ты подругу помнишь дорогую  
В тобою созданном для глаз ее раю,  
А я товаром редкостным торгую —  
Твою любовь и нежность продаю.

*1913, Царское Село*

## «Проводила друга до передней...»

Проводила друга до передней.  
Постояла в золотой пыли.  
С колоколенки соседней  
Звуки важные текли.  
Брошена! Придуманное слово —  
Разве я цветок или письмо?  
А глаза глядят уже сурово  
В потемневшее трюмо.

*1913, Царское Село*



## «Столько просьб у любимой всегда...»

Столько просьб у любимой всегда!  
У разлюбленной просьб не бывает.  
Как я рада, что нынче вода  
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану – Христос помоги! —  
На покров этот, светлый и ломкий,  
А ты письма мои береги,  
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней  
Ты был виден им, мудрый и смелый.  
В биографии славной твоей  
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,  
Слишком плотны любовные сети.  
Пусть когда-нибудь имя мое  
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,  
Пусть они улыбнутся лукаво...  
Мне любви и покоя не дав,  
Подари меня горькою славой.

1913

## «Цветов и неживых вещей...»

Цветов и неживых вещей  
Приятен запах в этом доме.  
У грядок груды овощей  
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,  
Но с парников снята рогожа.  
Там есть прудок, такой прудок,  
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,  
Совсем взволнованно и тихо,  
Что там живет большой карась  
И с ним большая карасиха.

1913



## «Каждый день по-новому тревожен...»

Каждый день по-новому тревожен,  
Все сильнее запах спелой ржи.  
Если ты к ногам моим положен,  
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,  
Их ничем до ночи не унять.  
Любо мне от глаз твоих зеленых  
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —  
Памятен нам этот легкий звук.  
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,  
Песенку о вечере разлук.

1913



## «О, это был прохладный день...»

О, это был прохладный день  
В чудесном городе Петровом.  
Лежал закат костром багровым,  
И медленно густела тень.

Ты только тронул грудь мою,  
Как лиру трогали поэты,  
Чтоб слышать кроткие ответы  
На требовательное «люблю!»

Тебе не надо глаз моих,  
Пророческих и неизменных.  
Но за стихом ты ловишь стих,  
Молитву губ моих надменных.

*1913*



## «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,  
О смерти Господа моля.  
Но все мне памятна до боли  
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,  
Над ним, как кипень, облака,  
В полях скрипучие воротца,  
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,  
Где даже голос ветра слаб,  
И осуждающие взоры  
Спокойных загорелых баб.

*Осень 1913*



## **«Вижу выцветший флаг над таможей...»**

Вижу выцветший флаг над таможей

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.